

RU

Категория кажимости и её функционирование
в романе Герберта Уэллса “The Time Machine” («Машина времени»)

Карпухина Т. П.

Аннотация. Цель исследования – выявить отличительные особенности функционирования категории кажимости в англоязычном произведении научно-фантастического жанра. В статье предпринят комплексный подход к эпистемической категории кажимости, обосновывающий её с логико-философских, психологических и лингвистических позиций. В работе уточнены критерии идентификации языковых единиц с семантикой кажимости. Научная новизна работы состоит в раскрытии специфики проявления категории кажимости в романе Г. Уэллса “The Time Machine”. В результате исследования в тексте произведения выявлено разнообразие лексико-синтаксических средств, составляющих функционально-семантическое поле кажимости, относящихся к его центру или периферии. Установлено, что языковые средства с модальной семантикой кажимости вводят перцептивные ситуации, связанные с чувственным восприятием: визуальным, аудиальным, тактильным, ольфакторным, кинестетическим. Обнаружено, что категория кажимости в романе тесно связана с категорией оценочности. Показана связь между модусом кажимости и повествованием от лица рассказчика, описывающего невероятные события в мире фантастического будущего как обманчивые, недостоверные, кажущиеся.

EN

The category of seemingness and its functioning
in Herbert G. Wells’s novel “The Time Machine”

T. P. Karpukhina

Abstract. The aim of the research is to reveal the specific features of the epistemic category of seemingness functioning in an English novel of a science fiction genre. The article undertakes a versatile approach to the phenomenon of seemingness viewed from different angles, namely, a logic-philosophical, psychological and linguistic ones. Linguistic criteria identifying the category of seemingness have been clarified. Scientific originality of the research lies in describing the peculiarities of the category of seemingness as represented in H. G. Wells’s novel. The research findings reveal a diversity of lexico-syntactic denominations of seemingness constituting the corresponding semantic field thus forming its centre or periphery. The modus of seemingness embraces various types of perception, those of a visual, aural, tactile, olfactory and kinaesthetic ones. The results of the research indicate that seemingness in the novel tends to interact with the category of evaluation. As the study shows, the modus of seemingness in the novel is inseparable from the first-person narration describing the incredible events in the world of fantastic future as seemingly indefinite, unverified and illusory.

Введение

В последние годы заметно возрос интерес языковедов к лингвистическим категориям, соотносимым с определённым мыслительным (понятийным, когнитивным, эпистемическим) содержанием, находящим то или иное языковое выражение. Особое внимание лингвистов привлекают модусные/модальные категории, выражающие субъективное отношение говорящего к высказыванию, например категории истинности/ложности; реальности/ирреальности; необходимости/случайности и т. д. К числу модусных/модальных принадлежит функционально-семантическая категория кажимости, которая является объектом изучения в настоящей работе.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубления и расширения исследований категории кажимости как лингвистического феномена. Интерес учёных к феномену кажимости не ослабевает, о чём свидетельствуют регулярно появляющиеся научные публикации. Вместе с тем их число невелико, и затрагивают они лишь некоторые аспекты проблемы. Проблематика феномена кажимости представляется далеко не исчерпанной, что наиболее очевидно проявляется в германистике. Требуется своего разрешения

вопросы, связанные с идентификацией языковых единиц, принадлежащих к функционально-семантической категории кажимости в английском языке. Современные лингвистические исследования нуждаются в более детальном описании специфики функционирования категории кажимости в англоязычном художественном тексте. В последние годы возникла потребность в изучении особенностей репрезентации категории кажимости в произведениях разной жанровой принадлежности.

В основу работы положена гипотеза о том, что в описании **фантастического** мира, воплощённого в произведении, существенная роль принадлежит категории кажимости, характеризующей нечёткое, неясное, недостоверное представление.

Эмпирический материал исследования составили контексты, содержащие языковые средства с семантикой кажимости, извлечённые из текста научно-фантастического романа Герберта Уэллса "The Time Machine", опубликованного в избранном собрании сочинений:

- Wells. H. G. The Time Machine. The Invisible Man. Short Stories. Essays. Moscow: Moscow Progress Publishers, 1981.

Перевод примеров из романа приведён за авторством К. Морозовой по изданию:

- Уэллс Г. Машина времени; Остров доктора Моро; Человек-невидимка. СПб.: СП «Паллада-ПЭК», 1992.

Достижение цели исследования потребовало решения следующих задач: 1) представить логико-философское, психологическое и лингвистическое обоснование феномена кажимости; 2) уточнить критерии идентификации языковых единиц с семантикой кажимости в английском языке; 3) определить статус средств выражения кажимости в структуре соответствующего функционально-семантического поля; 4) выявить в тексте романа "The Time Machine" контексты употребления и изучить функционирование языковых единиц с модальной семантикой кажимости; 5) прояснить роль категории кажимости, функционирующей в тексте романа Герберта Уэллса "The Time Machine".

В качестве справочного материала привлекались данные из философских словарей:

- Краткий философский словарь (КФС) / под ред. д. ф. н. А. П. Алексеева. Изд-е 2-е. М., 2000;
- Современная философия: словарь и хрестоматия (СФСХ) / отв. ред. В. П. Кохановский. Ростов н/Д: Феникс, 1996;
- Философия: энциклопедический словарь (ФЭС) / сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М.: ИНФРА-М, 2001.

Данные двуязычного словаря:

- Немецко-русский словарь (НРС). 80 000 слов / под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. Изд-е 7-е, стер. М.: Русский язык, 1976.

Данные толковых англоязычных словарей:

- Cambridge International Dictionary of English (CIDE). Cambridge: Cambridge University Press, 2001;
- Hornby A. S. Oxford Student's Dictionary of Current English (OSDCE) / with the assistance of Chr. Ruse. Moscow – Oxford: Prosveshcheniye Publishers; Oxford University Press, 1984;
- Hornby A. S., Gatenby E. V., Wakefield H. The Advanced Learner's Dictionary of Current English (ALDCE). 2nd ed. L.: Oxford University Press, 1970;
- Longman Dictionary of Contemporary English (LDCE). New ed. Bungay: Richard Clay Ltd., 1988;
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (MEDAL). Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2006;
- New Webster's Dictionary of the English Language (NWDEL). College ed. 5th print. Delhi: Subject Publications, 1989;
- The Concise Oxford Dictionary (COD). 4th ed. L.: Oxford University Press, 1956;
- The Concise Oxford Dictionary of Current English (CODCE) / ed. by J. B. Sykes. 7th ed. Oxford: The Clarendon Press, 1984.

Теоретической базой исследования послужили основополагающие труды, в которых разрабатывается проблематика модальности высказывания (Арутюнова, 1999; Балли, 1955; Гатинская, 1999; 2012), категории кажимости (Арутюнова, 1999; Горельникова, 1993; Гуссерль, 2000; Кант, 2018; Семёнова, 2007; Хельмянова, 2016; Шаховский, 2011), функционально-семантического поля (Бондарко, 2016; Щур, 1974), перцептивной деятельности (Вишнякова, 2015; Гельмгольц, 1999; Рубинштейн, 2001; Рузин, 1995; Спенсер, 1998).

В качестве основных методов, обусловленных поставленной целью и совокупностью задач, в работе используются, наряду с общенаучными методами описания и обобщения, также специальные лингвистические методы: дефиниционный, компонентный, стилистический, контекстуальный и интерпретативный. Описательный метод применялся для описания и систематизации эмпирического материала; обобщение позволило обнаружить существенные свойства предмета изучения, обосновать и подытожить результаты исследования; дефиниционный и компонентный методы, опирающиеся на анализ словарного толкования и вычленение компонентов значения, обеспечили возможность идентифицировать языковые единицы с семантикой кажимости; стилистический метод позволил обнаружить лингвистические приёмы усиления выразительности текста; контекстуальный и интерпретативный методы использовались для выявления контекстов употребления изучаемых языковых средств и прояснения передаваемого ими смысла.

Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании практического курса английского языка, в курсах по интерпретации художественного текста, стилистики и когнитивной лингвистики, а также при написании студентами выпускных квалификационных работ по сходной тематике.

Обсуждение и результаты**Логико-философское и психологическое обоснование феномена кажимости в гуманитарном знании**

Значительная роль в логико-философском обосновании феномена кажимости принадлежит Иммануилу Канту, указавшему на существование так называемых “*als ob*” («как бы», «как будто») суждений. Точкой отсчёта для философа является теория познания. В связи с разграничением умопостигаемых ноуменов и чувственно воспринимаемых феноменов И. Кант отмечает, что «различие здесь касается не только логической формы отчётливого или неотчётливого познания одной и той же вещи, но и неодинакового способа, каким эти два мира могут первоначально быть даны нашему познанию», «*как они есть*» или «*как они являются*» (2018, с. 706-707).

Феномены первого типа, «как они есть», коррелируют со словами И. Канта о знании, которое есть «и субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения»; объективная достаточность феноменов, познанных истинно, «как они есть», обеспечена «*достоверностью* (для каждого)»; феномены второго типа, «как они являются», основаны на мнении, которое есть «сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны (здесь и далее шрифтовое выделение в цитатах принадлежит авторам. – Т. К.)» (2018, с. 657, 656).

С этими воззрениями Иммануила Канта согласуется постулат Эдмунда Гуссерля (2000, с. 356, 393), изложенный в «Картезианских размышлениях», о разграничении действительного опыта и опыта «как бы», действительности и действительности «как бы» (квазидействительности). В работе «Логические исследования» Э. Гуссерль предлагает критерий очевидности как феноменологическое основание истинного знания того, что «*есть на самом деле*», отличая его «от смутного, хотя бы и самого решительного мнения». Очевидность увязывается также с адекватностью восприятия (Гуссерль, 2000, с. 24-25, 216).

В дальнейшем суждения “*als ob*” изучались последователем Иммануила Канта Гансом Файхингером, который ввёл в 1911 году в современный философский оборот понятие кажимости (*Scheinproblem*) (Vaihinger, 1927; ФЭС, 2001). Примечательно, что в самом термине заложен акцент на видимости, что явствует из этимологии корневой морфемы *Schein* в немецком языке, связанной со светом, блеском, видимостью, отсюда производное *scheinbar* (мнимый, кажущийся) (НРС, 1976, с. 712).

Соотнесённость с видимостью сохраняется и в современной трактовке кажимости, что доказывается следующим определением в философском словаре: «Видимость (кажимость) – ложный образ, отражающий сущность явления неадекватно либо односторонне. Он зависит как от особенностей восприятия *объекта*, так и от объективных связей и отношений данного объекта с другими, когда они затемняют и искажают проявления его *сущности*» (СФСХ, 1996, с. 17).

Феномен кажущегося не прошёл мимо внимания философов античности и Средневековья, пусть он и не получил в их трудах обстоятельного теоретического обоснования. В описанных Платоном диалогах Сократ постоянно возвращается к мысли о том, что сходные вещи могут казаться разными («бывает, что равные камни или брёвна хоть и не меняются нисколько, а всё же одному человеку кажутся равными, а другому – нет?»); он связывает это с чувственным восприятием («такая мысль возникает и может возникнуть не иначе как при помощи зрения, осязания или иного чувственного восприятия») и мысленными операциями припоминания («когда вид одной вещи вызывает у тебя мысль о другой») и сравнения, подводящими к выводу о неполном уподоблении вещей, кажущихся равными («им недостаёт этого равного, чтобы ему уподобиться?») (2006, с. 140-141).

А. Ф. Лосев подметил: «Платон действительно в очень ответственных местах своих произведений резко противопоставляет – “казаться” и “быть”. Для него очень важно, *быть* ли на самом деле добрым или только *казаться* таковым». А. Ф. Лосев отмечает, что, в отличие от бытия, которое, как считает мыслитель античности, «вечно и постигается только разумом», кажущееся «всегда временно и постигается только чувственным ощущением» (2000, с. 405-406).

Как видим, взгляды античных философов на кажимость вполне коррелируют с концепциями И. Канта и Э. Гуссерля, в которых проводится разграничение знания и мнения и отмечается соотнесённость последнего с чувственным восприятием. Обращает на себя внимание акцент, который ставится Платоном на неустойчивости кажущегося представления как результата конкретного чувственного восприятия, и его утверждение о неполном уподоблении кажущегося реально существующему.

Рассуждая о сущем и опираясь на труды античных философов, Мартин Хайдеггер вводит понятие феномена, противопоставляя его явлению, связывая феномен с кажущимся, видимостью: «Существует даже возможность, что сущее кажет себя как то, что оно в самом себе *не* есть. Показывая себя таким образом, сущее “выглядит так, словно...” . Такое казание себя мы называем “*кажимостью*”, когда *нечто* “в действительности” не есть то, за что себя выдаёт» (2003, с. 46).

О том, что вещь может казаться иной, чем она есть на самом деле, размышляет Августин Блаженный, приводя в качестве примера иллюзию, «видимость излома весла, которого в действительности нет», а также «образы в сновидениях, а может быть и в безумии» (2004, с. 233, 237). В утверждениях мыслителя Средневековья важно указание на связь обманчивой видимости, то есть кажимости, с иллюзией, сном, галлюцинациями расстроенного рассудка.

Как видим, при рассмотрении феномена кажимости философы так или иначе касались вопроса о чувственном восприятии, которое впоследствии стало объектом изучения такой науки, как психология.

Исследователями было подмечено, что качество и количество (интенсивность) ощущений зависят от конституционального состояния организма; от ненормального состояния нервной системы, приводящего к обманчивым, смутным, неопределённым ощущениям; от изменения состояния под влиянием температуры, кровообращения, приёма веществ, движения субъекта и объекта (Спенсер, 1998, с. 219, 222, 229).

Восприятие зависит от способа наблюдения и его ракурса: «Примером может служить тот известный факт, что краски ландшафта кажутся нам значительно определённое и ярче при наклонном или даже перевернутом положении головы, чем при обычном вертикальном её положении» (Гельмгольц, 1999, с. 28).

Относительный характер носит также восприятие времени и пространства, зависящее от положения наблюдателя и расположения объектов. Два соседствующих объекта вблизи видятся отдельно друг от друга, но чем далее они отстоят от нас, тем они всё более видятся слившимися в одно впечатление; интервалы «времени, подобно интервалам пространства, кажутся уходящими в своей величине в той мере, в какой они удаляются от нас» (Спенсер, 1998, с. 239, 242).

Из сказанного следует, что философы рассматривают кажимость как сложный когнитивно-перцептивный феномен, в проблематику которого входят вопросы мышления и чувственного восприятия, связанные с обманчивым восприятием, что сопряжено с мыслительными операциями сравнения, припоминания, уподобления. Мыслители ухватили сущностный дуализм феномена, понять который можно, рассмотрев такие дихотомии, как знание/мнение, истинное/неподлинное, действительное/квазидействительное, достоверное/недостоверное, очевидное/неочевидное, адекватное/неадекватное, вечное/преходящее, тождество/сходство и др. Что касается психологии, то при рассмотрении кажущегося впечатления акцент ставится на субъективном, относительном характере чувственного восприятия, лежащего в основе познавательного процесса, на его зависимости от состояния наблюдателя, а также условий и способа восприятия.

То, что кажется, то есть является чувствам и мнится умозрению как реальное, не обязательно существует в действительности. Двойственная перцептивно-умозрительная оптика, представляющая действительность через призму кажущейся, «как бы»-, «квази»-действительности, способствует не достижению объективного, очевидно-го, достоверного знания, а предъявлению субъективно-оценочного, неверифицируемого мнения-полагания.

Общим для всех концепций является понимание того, что эпистемическая (понятийная, когнитивная) категория кажимости, имеющая непосредственное отношение к познавательному процессу, отражает его неточность и неполноту, отдаляющую его от истины и приближающую его к мнению, как тому, что мнится, представляется, полагается. Целью познания как когнитивного освоения действительности является достижение истинного знания. Но истина, представляющая собой «адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом, воспроизводящее познаваемый предмет так, как он существует вне и независимо от сознания» (КФС, 2000, с. 125), далеко не всегда достижима.

Это обусловлено как объективными, так и субъективными факторами, в частности изменчивостью, подвижностью самой действительности, отсутствием в ней чётких границ; несовершенством органов восприятия и мышления (отвечающего за логико-когнитивные способности человека); недостаточностью познавательного материала; усложнённой, ситуативностью условий восприятия.

Кажимость как лингвистическая категория: трактовки и ключевые понятия

В лингвистический обиход термин «кажимость» был введён Н. Д. Арутюновой, отметившей разнообразие способов выражения данного феномена в языке и выделившей основные его признаки: «Кажимость вариативна, но у вариантов есть общие признаки. Основной из них – двуплановость, своего рода “двойное бытие”, совмещение реального и кажущегося. Другой признак состоит в том, что кажимость предполагает наличие наблюдателя или самонаблюдения. Третий признак заключается в том, что наблюдатель воспринимает ситуацию чувственно. Она дана ему в ощущениях, образах, впечатлениях, воспоминаниях» (1999, с. 834).

Кажимость характеризуется как модус/модальность, эксплицирующий отношение высказывания к действительности, которая предстаёт органам восприятия в неясном, нечётком, недостоверном виде: «К(ажимостная)-модальность маркирует то, что не видно, а привиделось, не слышно, а послышалось. Для неё характерен ситуативный антураж сумерек и тумана, снов и видений» (Арутюнова, 1999, с. 833-834).

По своей семантике модус кажимости относится к ментальному (когнитивному, эпистемическому) модусу полагания (мнения), отличающемуся от модусов сенсорного плана (видеть, слышать, чувствовать), эмотивного плана (грустно, жаль, радостно) и волевитивного (волеизъявительного) плана (хотеть, требовать, необходимо, нужно) (Арутюнова, 1999, с. 411, 835). Оговорим отсутствие терминологической строгости в употреблении понятий модуса и модальности, которые в отношении категории кажимости обычно применяются недифференцированно (см. «модальная рамка / модусная рамка» и т. п. в работе (Семёнова, 2007, с. 98, 115)), хотя наблюдаются и попытки развести их и отдать предпочтение термину «модус» (Хельмянова, 2016, с. 12).

Термин «модус» был предложен Шарлем Балли, логически разделившим в высказывании модус и диктум, которые характеризуют, соответственно, субъективное отношение говорящего к содержательной стороне высказывания и объективное содержание суждения: «Логическая функция модальности заключается в выражении реакции мыслящего субъекта на его представление; модальным знаком при этом является связка, которая связывает д и к т у м с субъектом м о д у с а» (1955, с. 234).

В зависимости от акцентуруемого признака, языковые средства, маркирующие модус кажимости, именуется модальными словами / лексемами кажимости (Гатинская, 1999; 2012), модальными предикатами/

маркерами/операторами/индикаторами (Арутюнова, 1999), модусными предикатами (Камшилова, 1984), предикатами эпистемического модуса (Иоанесян, 2000) и др. Модальный предикат, выражающий отношение к диктальной/диктумной части предложения, может выводиться за рамки диктума или инкорпорироваться в него, причём последнее иллюстрируется примером Шарля Балли с модальными глаголами-связками *sembler*, *passer* (*Vous semblez souffrir – Вы выглядите больным*) (Семёнова, 2007, с. 49).

Лексика с семантикой кажимости привлекла внимание лингвистов в конце прошлого века (Арутюнова, 1999; Гатинская, 1999; Горельникова, 1993), и изыскания в этой области продолжают, хотя число специальных работ, сконцентрированных на проблематике кажимости, в целом невелико. В них затрагивались лишь отдельные аспекты проблемы. Модус кажимости рассматривался с позиции психолингвистики с точки зрения его проявления в эмоциональной речевой деятельности (Шаховский, 2011). В лингвистике кажимость толковалась как антропоцентрическая категория, связанная с когнитивными процессами (Семёнова, 2006). Указывалась роль вопросительных предложений в выражении семантики кажимости (Логинов, 2022). Лексика с семантикой кажимости анализировалась как с системно-языковых позиций, так и с точки зрения её представленности в художественно-прозаическом тексте, в частности в отдельных произведениях Ф. М. Достоевского (Арутюнова, 1999), А. С. Пушкина (Хельмянова, 2016), А. П. Чехова (Орехова, 2021), Г. Уэллса (Карпухина, 2024; Евсеева, 2024а; 2024б). Особняком стоит обстоятельная монография Т. И. Семёновой (2007), посвящённая лингвистическому феномену кажимости в английском языке.

В научной литературе наметилось два направления, изучающих лингвистическую категорию кажимости либо как модусную/модальную, либо как функционально-семантическую. В настоящей статье эти подходы не противопоставляются, а рассматриваются как взаимодополнительные. В первом случае акцентируется эпистемическая семантика модусных маркеров кажимости, характеризующих диктальную, содержательную часть высказывания как предположительную, лишь кажущуюся подлинной. Во втором случае модусные маркеры анализируются как с точки зрения их принадлежности к семантическому полю, так и в аспекте их функционирования. Языковые средства, выражающие семантику кажимости, организованы по принципу функционально-семантического поля, опирающегося «на взаимодействие конкретных разноуровневых элементов данного языка с их грамматическими, лексическими и словообразовательными значениями» (Бондарко, 2016, с. 61). В основу работы заложено двоякое понимание функции, трактуемой и как предназначение языковой единицы, её «с п о с о б н о с т ь к выполнению определённого назначения», и как «р е з у л ь т а т функционирования, т. е. реализованное назначение, достигнутая цель» (Булыгина, Крылов, 1990, с. 565).

Критерии идентификации языковых единиц, составляющих функционально-семантическое поле кажимости в английском языке

Приступая к исследованию категории кажимости, необходимо прежде всего очертить её границы, определив критериальные признаки, позволяющие идентифицировать языковые единицы, которые обладают семантикой кажимости. К этому побуждает отсутствие единства среди лингвистов в отношении средств выражения данной категории. Круг входящих в её состав единиц чётко не определён. Так, в своём основополагающем труде, обозначив эпистемический статус модальной категории кажимости в языке и задав ориентиры её дальнейшего исследования, Н. Д. Арутюнова (1999, с. 833-836, 851-862) сосредоточилась на анализе глагола *казаться* и частиц *как будто*, *как бы* на материале произведений Ф. М. Достоевского. Вопрос о точном составе языковых средств выражения категории кажимости при этом не ставится. В качестве «знаков кажимости», «субъективного впечатления, того, что показалось, привиделось» приводятся также слова *будто*, *словно*, *точно*, *ровно*, а в иллюстративных примерах содержатся слова и словосочетания *было* (*Я было даже заплакал*), *может быть* (*Я, может быть, скрипя зубами шучу*) (Арутюнова, 1999, с. 851, 858, 859). Это означает, что исследователем допускается расширение модальных индикаторов кажимости.

В монографии Т. И. Семёновой делается попытка очертить круг разноуровневых языковых средств, выражающих семантику кажимости, к которым в английском языке относятся глаголы *seem* (казаться), *appear* (производить впечатление, казаться), *look* (выглядеть как, походить на), *sound* (звучать как, казаться), *feel* (давать ощущение, чувствоваться как), устойчивые глагольные словосочетания *give/leave/have an impression* (создавать/оставлять/производить впечатление), прилагательное *seeming* (кажущийся), его производные – наречие *seemingly* (кажется) и существительное *seeminglyness* (кажимость). К модальным операторам кажимости причислены также союзы *as if / as though* (как будто (бы) / как бы), а также синтаксические конструкции *I thought I heard / I thought I saw* (я подумал, что мне послышалось/привиделось), «посредством которых фиксируется языковое представление обманчивости чувственных впечатлений» (Семёнова, 2007, с. 34). При этом статус средств выражения кажимости в приведённом монографическом исследовании не подкреплён последовательным анализом семантики языковых единиц с привлечением толковых словарей, поскольку в монографии решается иная задача, а именно «определить языковой статус кажимости в теоретической модели языка» (Семёнова, 2007, с. 12).

Указанные номинации и конструкции неслучайно названы «основным средством вербализации понятия кажимости в английском языке», поскольку исследователь придерживается широкой трактовки категории кажимости, согласно которой неуверенность «в истинности суждения маркируется модальными операторами: наклонением глагола, вводными словами или глаголами пропозиционального отношения, знаками семантической и модальной неопределённости, знаками приблизительности» (Семёнова, 2007, с. 8). Расширенное толкование позволяет автору монографии не исключать при рассмотрении кажимостного модуса группу глаголов ложного, иллюзорного восприятия как переходную между эпистемическими и сенсорными предикатами (*мерещиться*, *чудиться*, *сниться*, *привидеться*, *мниться*, *грезиться*, *вообразить*) (Семёнова, 2007, с. 86-88).

Широкое толкование в терминах модального значения кажимости, включённого в более общую категорию модальности, содержится также в диссертации Ю. А. Горельниковой (1993), выполненной на материале русского языка. В работе описаны лексико-синтаксические способы выражения модального значения кажимости. К ним отнесены вводно-модальные компоненты *кажется, казалось, казалось бы*, их стилистические эквиваленты *похоже, мнится (мнилось), чудится (чудилось)*, а также модальные частицы *как бы, якобы, (как) будто (бы), вроде (бы), словно (бы), точно (бы), кажись и никак*. В диссертации впервые предложен полевой подход к модальности кажимости, указана ядерно-периферийная организация поля, включающая основные и второстепенные показатели кажимости.

Острота проблемы в определённой мере снимается при расширенном толковании категории кажимости, рассматриваемой в терминах полевой структуры и иерархии её составляющих. При этом структурирование в системе языка должно дополняться проекцией на речь, что позволяет обнаружить как системно-языковые свойства, так и контекстуальные взаимосвязи, свидетельствующие об актуализации модуса кажимости в высказывании. Первые устанавливаются в ходе дефиниционного и компонентного анализа, последние – при анализе контекстов функционирования. Это способствует выявлению и разграничению центральных и периферийных зон поля, в состав которых входят модусные маркеры кажимости.

В настоящей работе, исходящей из широкого толкования категории, функционально-семантическое поле кажимости в английском языке трактуется как моноцентричная структура. Центральная зона формируется прежде всего своим ядром, глаголом *seem*, семантика которого содержит наибольшее число компонентов, задающих модус кажимости, и который обладает высокой степенью употребительности в речи. В центральную, но уже околядерную, зону входят также его производные *seeming, seemingly, seemingness*, как наиболее близкие к нему в формально-семантическом отношении. Ближнюю периферию составляют глаголы *appear, look, sound, feel*, передающие семантику кажимости во вторичных значениях, а также союз *as if / as though*. Обоснуем включение этих языковых единиц в центр или ближнюю периферию поля кажимости, опираясь на данные дефиниционного и компонентного анализа.

Оговорим, что для экспликации значения потребуются двойные кавычки-лапки “ ”, для указания семантического компонента – кавычки одинарные ‘ ’. Попутно отметим, что при цитировании теоретических трудов применяются кавычки-птички « », англоязычные текстовые фрагменты даются в кавычках-лапках “ ”, их русский перевод – в кавычках-птичках « », перевод же слов и их значений не закавычивается.

Глагол *seem* (казаться) этимологически восходит к слову *same* (тот же самый) (COD, 1956), определяемому через сравнение с другим объектом: 1. “not changed or different...”; 2. “alike” (LDCE, 1988) – не отличающийся от другого; похожий. Обращение к этимологии глагола *seem* подтверждает положение о том, что «Кажимостная-модальность вырастает из сравнения» (Арутюнова, 1999, с. 833), и мысль Платона об уподоблении кажущегося.

Приведём словарные толкования синхронического значения глагола *seem*, выделив шрифтом сему кажимости.

Согласно словарю (OSDCE, 1984), лексема *seem* толкуется следующим образом: “*have or give the impression or appearance of being or doing; appear to be*” – иметь или создавать впечатление или видимость быть (чем-либо) или делать (что-то); казаться быть.

В словаре (NWDEL, 1989) глагол определяется так: “*to appear; to present the appearance of being, as; to feel as if; to imagine; to appear to one’s senses, judgement or observation. To give an indication of, being present, as; To be apparent; to assume an air; to present the appearance of being; to pretend*” – казаться; представлять в виде; чувствовать как будто; воображать; представляться чувствам, суждению или наблюдению. Давать знак, что нечто предстаёт как; принимать вид; притворяться.

В словаре (CODCE, 1984) предлагается следующая дефиниция: “*give the impression of or sensation of being, appear or be apparently perceived or ascertained to do or have done*” – создавать впечатление или ощущение того, что нечто есть, представляется, кажется воспринимаемым или оцениваемым как.

В словаре (LDCE, 1988) приводится следующее толкование значения глагола *seem*: “*to give the idea or effect of being; to be in appearance; appear*” – внушать мысль или впечатление; быть по виду; казаться.

Словарь (CIDE, 2001) определяет глагол так: “*to give the effect of being; to be judged to be*” – создавать эффект того, что что-то существует; **считаться за**.

В словаре (MEDAL, 2006) значение толкуется следующим образом: “*to appear to be something or appear to have a particular quality*” – казаться быть чем-то или казаться имеющим определённое свойство.

Компонентный анализ на основе словарных дефиниций выявляет следующие семы в значении глагола *seem*, которые соответствуют всем признакам кажимости как перцептивно-когнитивного феномена. К ним относятся компоненты: ‘впечатление’ (‘impression’), ‘ощущение’ (‘sensation’), ‘нереальное уподобление’ (‘as if’), ‘чувствоваться’ (‘feel’), ‘являться чувствам / быть чувственно воспринимаемым’ (‘appear to one’s senses / be perceived’), ‘вид/видимость’ (‘appearance/air’), ‘быть объектом мнения-суждения’ (‘be judged / appear to one’s judgement’), ‘воображение’ (‘imagine’), которые укладываются в архисему ‘не быть’ (‘be’), а ‘казаться’ (‘appear to be’), то есть как ‘будто бы быть’.

Семантика кажимости/видимости, проявляющейся внешне, но при этом не обязательно соответствующей действительности, а зачастую обманчивой, прослеживается в словах, формально-семантически наиболее близких к глаголу *seem*, а именно его производных: *seeming* (кажущийся) – “apparent, but perhaps not real or genuine” (OSDCE, 1984) – видимый, но, возможно, не действительный или истинный; *seemingly* (кажется) – 2. “according to outward appearance, usually as opposed to what is actually the case” (LDCE, 1988) – в соответствии

с внешним видом, обычно противопоставленным истинному положению дел; *seeminglyness* (кажимость) – “appearance, especially a **false appearance**; show; **semblance**” (NWDEL, 1989) – внешний вид, особенно ложный; представление; видимость/подобие.

Глагол *seem*, в значении которого содержится наибольшее число семантических признаков, характеризующих понятие кажимости, выступает в качестве ключевого критерия идентификации единиц, выражающих модальную семантику кажимости в системе английского языка. Отсюда следует, что в том случае, если слово или устойчивое словосочетание толкуется в словаре посредством прямого отнесения к указанному глаголу, оно считается системно-языковым средством выражения кажимости и конституентом соответствующего семантического поля, принадлежащим его центру или ближней периферии.

Приведём словарные толкования языковых единиц ближней периферии поля совместно с цифровой пометой, указывающей на второстепенный характер значения кажимости, его относительно периферийное положение в семантической структуре слова. Обратим также внимание на неустойчивый статус глагола *sound*, кажимостное значение которого в большинстве лексикографических источников маркируется всё же как периферийное:

- appear* – 4. “**seem**” (ALDCE, 1970) – казаться;
look – 3. “**seem** to be, have a certain appearance” (OSDCE, 1984) – казаться, иметь определённый вид;
sound (звучать как/наподобие) – 1. “to **seem** when heard” (LDCE, 1988) – казаться быть таким, каким это услышано, ср.: 7. “to give an impression when heard” – производить впечатление, каким оно услышано (ODCE, 1984); 4. “convey an impression by sound” – производить впечатление, основывающееся на звуке (CODCE, 1984);
feel (чувствоваться, ощущаться как) – 5. “to give or produce the stated sensation; **seem**” (LDCE, 1988) – давать или создавать ощущение; казаться.

Первичным, основным для большинства приведённых лексических единиц является обозначение чувственного восприятия. Глаголы *look* и *sound* конкретизируют тип перцептивной модальности, зрительной или слуховой, тогда как глагол *feel* является гиперонимическим обозначением, охватывающим все виды чувственного восприятия.

Значение кажимости присуще также союзу в двух его вариантах *as if / as though* (как будто (бы), как бы), о чём свидетельствует наличие идентифицирующего глагола *seem* в иллюстративном примере, приведённом в словарной статье к союзу *if* (если): 5. “*as if*, as the case would be if (*it seems as if*) *he meant*” (CODCE, 1984) – **как если бы**, как обстояло бы дело, если бы (**кажется, будто**) он имел в виду.

Статус сравнительного союза как лексико-синтаксического средства выражения модального значения кажимости требует особого комментария. В основе его семантики лежит предположение, основанное на нереальном уподоблении (в сослагательном наклонении), достоверность которого не подкреплена истинным положением дел: “a) as if it would be if (something were true); b) in a way that suggests that (something is true)” (LDCE, 1988) – как бы это было (если бы это было истиной).

С одной стороны, особую значимость сравнительному союзу *as if / as though* и его межъязыковым эквивалентам *als ob* и *как будто / как бы* придаёт сложившаяся логико-философская традиция считать это языковое выражение краеугольным камнем, основанием понятийной категории кажимости. С другой стороны, он важен и в языковом отношении, на что указывает возможность толковать или иллюстрировать с его помощью ключевой идентификатор *seem*: *The children seemed (as if / as though they were) tired* (CIDE, 2001). / Дети казались (как будто бы они были) уставшими.

Однако признать сравнительный союз в качестве первичного, ядерного модального маркера кажимости или посчитать его ещё одним ядром двуцентричного поля кажимости не представляется лингвистически целесообразным, учитывая современное, синхроническое состояние языковой системы. Существенно важным является то обстоятельство, что далеко не все лексикографические источники дают в словарном толковании подчинительного союза указание на модус кажимости. К примеру, союз может определяться только как вводящий сравнительное придаточное предложение образа действия: *as if / as though* – “introducing a clause of manner” (OSDCE, 1984; COD, 1956). Очевидно, что сема сравнения, выступающая в качестве доминанты в семантике союза, в отношении модального значения кажимости проявляет себя уже как дополнительный, второстепенный семантический компонент.

Ядром поля кажимости выступает именно глагольная номинация *seem*, модусная семантика которой является доминирующей, будучи представлена и в значении глагола, и в значении его производных. Следует учесть не только системно-языковые свойства категории, но и то, как они проявляются в речи, то есть функциональный аспект, в том числе и такой фактор, как частотность употребления. В отличие от сравнительного союза *as if / as though*, системно-нормативные характеристики которого ограничивают его узус рамками сложноподчинённого предложения, глагол *seem* не скован в своём употреблении зависимостью от структуры предложения.

Дальней периферии принадлежат глагольные номинации в неосновном значении предположительного полагания, передающие модус неопределённого мнения-полагания (*think/believe/suppose* – думать/полагать/предполагать), обманчивого, иллюзорного представления (*fancy/dream* – представлять/воображать), в сочетании с сенсорными глаголами (*hear/see/feel* – слышать/видеть/чувствовать). На уровне синтаксиса эти глаголы образуют конструкции *I thought/fancied/dreamt I heard/saw/felt* (мне подумалось/почудилось/пригрезилось, что я услышал/увидел/почувствовал, что) и т. п. Отметим, что ранее принадлежность этих синтаксических конструкций к средствам вербализации кажимости также не подвергалась сомнению (Семёнова, 2007).

Доказательством, с одной стороны, значения полагания/мнения, с другой стороны, его вторичности у глаголов *think* (думать, полагать), *believe* (верить, полагать), *suppose* (предполагать, полагать) служат лексикографические источники, выделяющие сему мнения в их второстепенном значении: “have/hold an opinion”; “be of the opinion” (LDCE, 1988; CIDE, 2001; OSDCE, 1984). Последующий дефиниционный анализ выявляет в семантике слова *opinion* (мнение) компонент, указывающий на недостоверное полагание, базирующееся не на фактах, а на личном суждении: “what a person thinks about something, based on **personal judgement**, rather than actual facts” (LDCE, 1988) – то, что человек думает/полагает, основываясь на личном суждении.

В толковых словарях отсутствуют также указания на непосредственное наличие семы кажимости у глаголов умозрительного, обманчивого представления *fancy* (воображать, представлять себе) и *dream* (видеть во сне, мечтать, воображать, грезить). Возможность идентификации их как глаголов кажимости во второстепенном значении обеспечивает наличие в этом значении компонентов ‘неуверенное полагание’ у глагола *fancy*: “to believe without being certain” (LDCE, 1988) – и ‘воображать, полагать’ у глагола *dream*: “imagine, suppose” (OSDCE, 1984).

Субъективный характер полагания, не подкреплённого достоверными фактами, позволяет усмотреть в глаголах *think*, *believe*, *suppose* и глаголах *fancy*, *dream*, отнесённых к дальней периферии поля, потенциальную сему кажимости, способную актуализироваться в определённом контексте.

Дальняя периферия может контекстуально расширяться также за счёт взаимодействия с модальными глаголами *may/must*, которые могут передавать, соответственно, семантику неопределённости, предположения с импликацией сомнения, допущения, вероятности (Каушанская, Ковнер, 1967, с. 122, 124). Это значение может реализоваться при употреблении глагола в перфектной форме, образуя такие синтаксические конструкции, как *I may/might/must have heard/seen/felt/dreamt* (возможно / должно быть, мне послышалось/привиделось/почувствовалось/пригрезилось (как во сне)) и т. п. (см. трактовку этих конструкций как средств выражения кажимости в работе (Семёнова, 2007)).

В любом случае языковые средства функционально-семантического поля кажимости, относящиеся к центру или ближней периферии, соотносятся со следующим утверждением Ю. А. Горельниковой: «Семантический инвариант высказываний со значением собственно кажимости – “создаётся впечатление, что ... (а может быть и не ...)”». Средства выражения кажимости на дальней периферии поля, кажимостная семантика которых осложнена оттенками воображаемости, мнимости, соответствуют иной формуле, предложенной исследователем: «может создаться впечатление, что ...; на самом же деле, ...» (Горельникова, 1993, с. 8).

Речевая актуализация функционально-семантической категории кажимости в романе Г. Уэллса “The Time Machine”

До сих пор мы рассматривали проблему идентификации языковых единиц с модальным значением кажимости, входящих на правах составляющих в одноимённую функционально-семантическую категорию. Обратимся к другому аспекту категории, а именно её речевой актуализации, на материале англоязычного художественного текста. В романе Герберта Уэллса “The Time Machine” («Машина времени») представлен фантастический мир предполагаемого будущего, в котором учёный изобретает машину времени и отправляется в ещё более далёкое будущее, делая остановки в трёх мирах, всё более удалённых от современной ему земной действительности. Возвратившись в свой мир, путешественник во времени рассказывает собравшимся друзьям о тех невероятных чужих мирах и испытаниях, которые ему пришлось претерпеть, чтобы вернуться домой, в Лондон девятитысячного столетия, 802701-го года.

Повествование от первого лица, задающее субъективную перспективу, позволяет представить как собственно события, участником которых был рассказчик, главный герой (протагонист) произведения, так и полученные им впечатления о произошедшем. Заметную роль в перволичном повествовании осуществляет модус кажимости, который проявляется в широком использовании соответствующих языковых средств. В тексте произведения обнаруживаются самые разные лексико-синтаксические средства, входящие в функционально-семантическое поле кажимости. Представим вначале общую картину речевой актуализации категории кажимости, включая контексты употребления всех разноуровневых единиц, занимающих соответствующее место в иерархической структуре одноимённого поля.

Обратимся прежде к ядру и ближней периферии поля. Наряду с его ядерным компонентом, глаголом *seem* (казаться), в произведении встречаются глаголы *appear* (производить впечатление, казаться), *look* (выглядеть, казаться), *sound* (звучать, создавать впечатление, казаться), *feel* (давать ощущение, чувствоваться) и союз *as if/as though* (как будто (бы)), входящие в ближнюю периферию поля. Приведём примеры использования этих основных маркеров кажимости, сопровождая иллюстративный материал релевантной интерпретацией.

Вернувшись из путешествия во времени, учёный-изобретатель описывает друзьям свои впечатления о начале полёта, об изменении окружающей обстановки по мере того, как всё более возрастала скорость движения машины. У него создаётся визуальная иллюзия, что вошедшая в лабораторию экономка промчалась на огромной скорости, хотя, как он полагает, она не могла провести там более одной минуты. Подчёркнём, что в модусе кажимости в приведённом высказывании имплицитно представлено зрительное восприятие: “I suppose it took her a minute or so to traverse the place, but to me she **seemed** to shoot across the room like a rocket” (Wells, 1981, p. 52). / «Для того, чтобы перейти в комнату, ей понадобилось, вероятно, около минуты, но мне **показалось**, что она пронеслась с быстротой ракеты» (Уэллс, 1992, с. 23) (о разных модусах перцепции см. (Вишнякова, 2015; Рузин, 1995)).

Дальнейшие рассуждения наводят на мысль о том, что в указанной ситуации мы имеем дело с количественной оценкой (Дондокова, 2015) скорости, исчисляемой в соответствии с количественным параметром (*a minute or so* – минута или около того), выраженной в модусе кажимости. Скорость движения машины времени настолько велика, что она переходит в другое качество, её трудно измерить в конкретных цифрах, но вполне возможно передать яркими изобразительными средствами, с помощью метафоры (*shoot*) и образного сравнения (*like a rocket*), присутствующих в диктуме высказывания.

По возвращении из путешествия скорость машины замедляется, и перед главным героем вновь предстаёт экономка, но её передвижения видятся ему, как в замедленной съёмке: она вначале выходит, повернувшись к нему спиной, а затем входит в лабораторию лицом к нему, причём она уже не выстреливает, как ракета (*shoot; like a rocket*), а плавно, неторопливо скользит (*glide*). Контекст ситуации вновь имплицитно зрительное восприятие, представленное в модусе кажимости: “*But now her every motion appeared to be the exact inversion of her previous ones. The door at the lower end opened and she glided quietly up the laboratory, back foremost, and disappeared behind the door by which she had previously entered*” (Wells, 1981, p. 119). / «Но теперь каждое её движение **казалось** мне обратным. Сначала открылась вторая дверь в дальнем конце комнаты, потом, пятясь, появилась миссис Уотчет и исчезла за той дверью, в которую прежде вошла» (Уэллс, 1992, с. 90).

Таким образом, и ускорение, и замедление скорости, создающие необычные условия восприятия, препятствуют адекватной перцепции, искажая представление об объекте, что и вызывает у главного героя ощущение иллюзорности, кажимости увиденного.

Модус кажимости, эксплицируемый аудиальным перцептивным предикатом *sound* (звучать), отчётливо заявляет о себе в описании чужих миров далёкого будущего, в которых побывал путешественник во времени. Эти миры настолько невероятны, что учёный ожидает от собеседников негативной оценки его рассказа о странствиях, который наверняка покажется им (прозвучит) ложью: “*Most of it will sound like lying*” (Wells, 1981, p. 51). / «Знаю, что едва ли не весь мой рассказ **покажется** вам вымыслом» (Уэллс, 1992, с. 20).

В следующем высказывании с кажимостным модусом, выраженным визуальным перцептивным предикатом *look* (выглядеть), описывается внешний облик людей элоев, обитающих в первом из будущих миров. В сравнении с рассказчиком, их хрупкое телосложение кажется ему уязвимым и нежизнеспособным: “*And besides, they looked so frail that I could fancy myself flinging the whole dozen of them about like nine-pins*” (Wells, 1981, p. 57). / «К тому же они были такие хрупкие, что, казалось, можно совсем разбросать их, как кегли, – целую дюжину одним толчком» (Уэллс, 1992, с. 28).

В будущем мире, помимо элоев, обитают морлоки, злобные подземные существа, которые преследуют чужеземца и однажды нападают на него, воспользовавшись беспомощным состоянием полусна, полузабытья, в которое он впал от усталости. В модусе кажимости, обозначенном гиперонимическим перцептивным предикатом *feel* (чувствовать) и союзом *as if* (как будто), описываются крайне неприятные тактильные ощущения, ассоциирующиеся у путешественника с опутавшей его паутиной: “*I felt as if I was in a monstrous spider’s web*” (Wells, 1981, p. 106). / «**Мне казалось**, что я попал в какую-то чудовищную паутину» (Уэллс, 1992, с. 79). Об осязании свидетельствует присутствующая в диктуме сенсорная лексика, а именно существительные *web* (паутина) и *spider* (паук), в значении которых имеется перцептивная сема, выраженная глаголом *catch* (хватать) (“*a fixed net made by many types of spider <...>. It is used to catch insects*” – сеть, которую плетут разные виды пауков, для того чтобы *ловить* насекомых (CIDE, 2001)), который, в свою очередь, определяется посредством референции к руке (*hand*) как основному инструменту осязания (LDCE, 1988).

Средства выражения семантики кажимости в романе Герберта Уэллса не ограничиваются языковыми единицами, принадлежащими ядру или ближней периферии поля. Модус кажимости передаётся также синтаксическими средствами, входящими в дальнюю периферию поля, к которым относится, в частности, конструкция *I thought I heard* (я думал, мне послышалось), усиленная двойным повтором: “*I thought I heard something stir inside – to be explicit, I thought I heard a sound like a chuckle...*” (Wells, 1981, p. 72). / «Мне показалось, что внутри что-то зашевелилось, вернее, это был звук, похожий на хихиканье...» (Уэллс, 1992, с. 44). Референциальная соотнесённость с чувственным восприятием находит языковое выражение в аудиальной сенсорной лексике, включающей, помимо перцептивного предиката *hear* (слышать), также глагол *stir* (возиться, шевелиться) и существительные *sound* (звук), *chuckle* (смешки, довольный смех), извлекаемые из диктумной части высказывания. Представленная в кажимостном модусе ситуация со злобными антагонистами – морлоками, которых он в темноте не видит, но слышит, оценивается путешественником-протагонистом как серьёзная угроза его безопасности.

В качестве контекстуального маркера кажимости, принадлежащего дальней периферии поля, выступает также глагол *fancy* (представлять, воображать), означающий кажущееся, обманчивое впечатление. Рассказчиком описывается эпизод, когда, спустившись в крошечную тьму подземелья, где обитали морлоки, он как будто бы слышит их дыхание: “*I fancied I heard the breathing of a crowd of those dreadful little beings about me*” (Wells, 1981, p. 89). / «Мне **казалось**, что я слышу дыхание целой толпы этих ужасных существ» (Уэллс, 1992, с. 61). Перцепция контекстуально обозначена в диктуме высказывания аудиальной сенсорной лексикой: глаголом *hear* (слышать) и отглагольным существительным *breathing* (дыхание). Описываемая рассказчиком ситуация, как и приведённая выше, оценивается им негативно, как угроза его безопасности, на что указывает эпитет *dreadful* (ужасный), соотносимый с отрицательной эмоцией страха, которую вызывают у главного героя его антагонисты.

Дальней периферии поля кажимости принадлежат также синтаксические конструкции с перфектной формой глагола и модальными глаголами *must* и *may* с семантикой неопределённости: “*For a long time I must have been insensible upon the machine*”; “*I might have slept there, and the whole thing have been a dream*”

(Wells, 1981, p. 118, 119). / «Долгое время я лежал без чувств на своей Машине»; «Мне **казалось**, что я заснул и все это мне **приснилось**» (Уэллс, 1992, с. 90, 91). Высказывания описывают кинестетическую перцептивную ситуацию, характеризующую общую реакцию организма, когда задействованы внутренние органы, мышцы, связки и суставы, которые связаны с положением тела и движением: «Благодаря кинестетическим ощущениям человек и с закрытыми глазами может определить положение и движение своих членов» (Рубинштейн, 2001, с. 198).

Рассказчик характеризует своё состояние как похожее на обморок, сон или грёзы, когда отключается кинестетическое восприятие (так называемое «мышечное чувство»). Так оценивает своё общее физиологическое состояние главный герой, вернувшийся из путешествия в привычную обстановку лаборатории. Это передаётся соответствующей сенсорной лексикой: прилагательным *insensible* (бесчувственный, в обморочном состоянии), глаголом *sleep* (спать) и существительным *dream* (грёза), в семантике которого присутствует компонент 'сон' (*dream* – “a group of related thoughts, images, or feelings experienced during *sleep*” – мысли, образы или ощущения во время *сна* (LDCE, 1988)).

Среди языковых средств, маркирующих в романе “The Time Machine” модус кажимости, особое место занимает его ядерный маркер, глагол *seem*, который обладает способностью вводить самые разные ситуации чувственного восприятия.

Приведём в качестве примера визуальной перцепции эпизод с появлением главного героя в первом из будущих миров. Внимание путешественника привлекла статуя сфинкса с впадинами вместо глаз, которые, казалось, пристально наблюдают за ним, чужеземцем. В предложении, описывающем кажущееся впечатление рассказчика об увиденной скульптуре, присутствует сенсорная лексика, связанная со зрительным восприятием: *eyes* (глаза), *sightless* (безглазый, слепой) и *watch* (следить, наблюдать): “*The sightless eyes seemed to watch me...*” (Wells, 1981, p. 55). / «...его незрячие глаза, казалось, смотрели на меня...» (Уэллс, 1992, с. 26). В персонифицированной статуе путешественник видит угрозу, но это мнимое, иллюзорное впечатление, обусловленное условиями восприятия (проливным дождём с градом) и эмоциональным состоянием персонажа, тревожным ожиданием опасности в новом, чужом для него мире.

В следующем эпизоде глагол *seem* как маркер кажимости относится к аудиальной перцептивной ситуации, когда во тьме ночного леса главному герою слышатся лёгкие, семенящие звуки топота морлоков, которые преследуют его и его спутницу: “*Then I seemed to know of pattering about me*” (Wells, 1981, p. 105). / «Затем я услышал позади топот, но упорно продолжал идти вперёд» (Уэллс, 1992, с. 77). Слуховое восприятие в диктуме высказывания обозначено ономапопейческим, звукоподражательным глаголом *patter* (топотать, семечить, стучать (о дождевых каплях)).

Ядерный маркер кажимости *seem* встречается в тексте и в перцептивных ольфакторных ситуациях: “*The forest seemed full of the smell of burning wood*” (Wells, 1981, p. 106). / «Весь лес, **казалось**, был наполнен запахом гари» (Уэллс, 1992, с. 79). На связь ситуации с обонянием указывает соответствующая лексика, а именно существительное *smell* (запах) и глагол *burn* (гореть, сгорать), которые соотносятся с сенсорным восприятием процесса и продуктов горения. Высказывание в модусе кажимости имплицитно в своей диктумной части негативную оценку ситуации как угрозы всепожирающего лесного пожара.

Глагол *seem* вводит в тексте кинестетическую перцептивную ситуацию, характеризующую общефизиологическое состояние главного героя в тот момент, когда он перед полётом взялся за рычаг машины и привёл её в движение: “*I seemed to reel; I felt a nightmare sensation of falling...*” (Wells, 1981, p. 52). / «Мне **показалось**, что я покачнулся, испытал, будто в кошмаре, ощущение падения» (Уэллс, 1992, с. 22). О кинестезии, связанной с положением и движением, сигнализируют глагол *reel* (шататься, как в состоянии опьянения, кружиться, испытывать головокружение), глагол *fall* (падать) и гиперонимический перцептивный предикат *feel* (чувствовать). И здесь мы вновь сталкиваемся с негативной оценкой ситуации как весьма неприятной и опасной, доказательством чего является наличие в высказывании существительного *nightmare* (кошмар, страшный сон, ужас).

До сих пор, руководствуясь поставленными задачами, мы рассматривали разные аспекты речевой актуализации категории кажимости в тексте романа «Машина времени». Важной представляется также задача обосновать место и роль данной категории в произведении.

Будучи представленной самыми разными лексико-синтаксическими средствами, категория кажимости оказывается способной передать важное смысловое содержание романа Г. Уэллса. Её использование в произведении научно-фантастического жанра представляется отнюдь не случайным. Главный герой романа «Машина времени», одновременно являясь рассказчиком, излагая друзьям историю своего путешествия, часто прибегает к модальности кажимости, поскольку он не может поручиться даже перед самим собой за достоверность своих впечатлений, настолько невероятным было всё, что с ним приключилось. Невероятным было как собственно путешествие учёного во времени, так и будущие миры, в которые перенесла изобретателя его машина.

При этом в тексте произведения обнаруживается явная взаимосвязь категорий кажимости и перцептивности, о чём свидетельствует соответствующая сенсорная лексика, присутствующая в диктуме высказывания или в ближайшем контексте. И этому также находится объяснение. Чужой мир учёный-изобретатель познаёт в полном соответствии с познавательным процессом, фундаментом которого является чувственное восприятие. Главный герой не может с абсолютной уверенностью утверждать, что увиденное им было именно таким, каким оно ему предстало, а не привиделось, что услышанное не послышалось и т. п. Двойственность, неопределённость восприятия, которая касается разных сенсорных каналов – зрительного, слухового, осязательного, обонятельного, кинестетического, – обусловлена рядом факторов. И главным из них является фантастическая невероятность приключений персонажа. Всё, что воспринимается главным героем, настолько необычно, что он сомневается в достоверности воспринятого.

Двойственность, неясность, неопределённость, лежащая в основе модуса кажимости, во многом предопределена условиями восприятия, затрудняющими точное узнавание. Затрудняют восприятие и внешние причины (проливной град, темнота подземелья, тьма ночного леса, возрастающая или замедляющаяся скорость машины времени), и внутреннее состояние героя, как физиологическое (ощущение кружения, падения при движении машины времени, полузабытьё, сон, ощущение неприятных прикосновений), так и эмоциональное (страх, тревога, ожидание опасности). Всё вышесказанное задаёт модус кажимости, через призму которого подаётся основная, диктумная часть информации, содержащаяся в высказывании.

В романе Герберта Уэллса также отчётливо просматривается связь между категориями кажимости и оценочности. Обоснование этому видится в том, что всё, что воспринимается и познаётся главным героем в далёких мирах будущего, подвергается также оцениванию в соответствии с аксиологической призмой, заданной прежними жизненными установками. Всё, что не укладывается в привычные рамки земного существования, рассматривается и оценивается интеллективно и/или эмоционально, как правило, с точки зрения предполагаемой или реальной опасности.

Всё сказанное позволяет утверждать, что выдвинутая в работе гипотеза нашла своё подтверждение. Анализ материала подводит к признанию значимости функционально-семантической категории кажимости в романе «Машина времени», проистекающей из жанровой направленности произведения, конструирующего фантастический, ирреальный, гипотетический, мнимый мир будущего. Описать этот мир можно лишь при условии недостоверного, сомневающегося, обманчивого, кажущегося модуса восприятия, а оценить происходящие в этом мире события возможно в основном через негативную призму, проливающую свет на опасности, подстерегающие путешественника-землянина во враждебном, чуждом для него мире.

Заключение

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Общим для логико-философского и психологического подходов является понимание когнитивно-перцептивного феномена кажимости как такого представления о предмете, которое не обязательно соответствует истине. Кажущееся существует предположительно: являющееся чувствам и мнящееся умозрению как действительное не обязательно является таковым. Результатом двойственной перцептивно-умозрительной оптики, представляющей действительность через призму кажущейся, «как бы»-действительности, оказывается не объективное, очевидное, достоверное знание, а субъективно-оценочное, не верифицируемое мнение-полагание. Когнитивно-перцептивный феномен кажущегося находит языковое воплощение в лингвистической категории кажимости, объединяющей разноуровневые языковые единицы соответствующей семантики.

2. Ключевым критерием идентификации единиц с модальным значением кажимости в английском языке служит наличие глагола *seem* в словарном толковании лексем. Глагол *seem* считается ведущим маркером категории кажимости на том основании, что в его семантике присутствует наибольшее число компонентов, отражающих сущностные качества феномена кажимости, к каковым относятся семы видимости, впечатления, полагания, неуверенного мнения, обманчивого представления, нереального уподобления, ощущения/чувства (будто). Эти семантические компоненты квалифицируются как дополнительные критериальные признаки, позволяющие идентифицировать модальную семантику кажимости.

3. Языковые средства выражения кажимости входят в состав одноимённого функционально-семантического поля, в соответствии с его иерархической структурой, на правах конститuentов его центральной или периферийной частей. Статус ядра закреплён за глаголом *seem* на основании его семантики и частотности употребления.

Центральную часть поля кажимости составляют глагол *seem* и его производные *seeming*, *seemingly*, *seemingness*. Ближнюю периферию образуют союз *as if / as though*, ограниченный сферой применения сложноподчинённого предложения, и глаголы *appear*, *look*, *sound*, *feel*, кажимостная семантика которых представлена в их неосновных значениях. В дальнюю периферию включены глаголы умственного восприятия с семантикой полагания/предположения (*think*, *believe*, *suppose*), обманчивого представления (*fancy*, *dream*) и модальные глаголы с семантикой неопределённости (*may*, *must*). Речевая актуализация значения кажимости в этих глаголах возможна при условии их функционирования в составе определённых синтаксических конструкций с включением в них сенсорной лексики для первых (*I thought I heard* и т. п.) и совершенной формы глагола для последних (*I may have heard* и т. п.). Будучи использованы в речи, языковые средства, составляющие функционально-семантическое поле кажимости, задают диктуму высказывания кажимостный модус.

4. Анализ эмпирического материала выявил следующие особенности функционирования категории кажимости в романе «Машина времени». В тексте произведения обнаружены разнообразные лексико-синтаксические средства выражения модальности кажимости, принадлежащие как центру, так и периферии, ближней и дальней. Доминирующим модальным маркером в тексте произведения является ключевой идентификатор категории кажимости, глагол *seem*.

Установлено, что высказывания с модальностью кажимости соотносятся в тексте произведения с разными типами чувственного восприятия: визуальным, аудиальным, тактильным, ольфакторным, кинестетическим. Связь между модусом кажимости и определённым перцептивным модусом может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитным индикатором чувственного восприятия служит как наличие

в семантике перцептивного компонента (в глаголах *look, sound, feel*), так и присутствие в диктуме высказывания или ближайшем контексте сенсорной лексики – разночастеречных лексических единиц, в значении которых имеются семантические компоненты, соотносимые со зрением (*see, look, watch, sightless, eyes*), слухом (*hear, breathe, stir, murmur, patter, a sound*); осязанием (*web, spider*), обонянием (*smell*); кинестетической реакцией всех органов чувств (*feel, reel, breathe, insensible, unconscious, sleep*). Связь модуса кажимости с чувственным восприятием может также имплицироваться более широким контекстом ситуации.

Модальность кажимости может быть связана с оценкой, характеризующая высказывание главного героя – рассказчика как некатегоричное, неуверенное оценочное мнение, свидетельствующее об относительном характере восприятия времени, окружающей обстановки, внешнего облика и поведения персонажей. Модус кажимости поставлен в зависимость от условий восприятия и состояния главного героя, как физического, так и эмоционального. Оценка явления, воспринимаемого через кажимостную призму, представленного в диктуме высказывания, носит, как правило, негативный характер. Это связано с восприятием рассказчиком главного сюжетного события – путешествия во времени, приведшего его в невероятные, чуждые и враждебные ему миры далёкого будущего.

5. Результаты исследования позволяют говорить о значимости категории кажимости и разнообразии форм её проявления в романе «Машина времени», что обусловлено жанровой принадлежностью произведения, конструирующего невероятный, ирреальный мир фантастического будущего, предстающий таковым перед главным персонажем, воспринимающим происходящие с ним события в кажущемся, недостоверном, обманчивом модусе.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке предложенной проблематики применительно к художественным произведениям разной жанровой направленности, а также при сопоставлении оригинального и переводного текстов с целью установления способов передачи модальности кажимости на другой язык.

Источники | References

1. Августин Блаженный. О бессмертии души. М.: АСТ, 2004.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с третьего фр. издания Е. В. и Т. В. Вентцель; ред., вступ. статья и примеч. Р. А. Будагова. М.: Иностранная литература, 1955.
4. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Изд-е стереотип. М.: ЛИБРОКОМ, 2016.
5. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Функциональная грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
6. Вишнякова Е. П. Категория перцептивности как основа языкового моделирования возможных миров в новелле Г. Уэллса «The Country of the Blind»: дисс. ... к. филол. н. Хабаровск, 2015.
7. Гатинская Н. В. Модальные слова кажимости в русском языке: характеристика и взаимоотношения с другими категориями // Семантика и прагматика языковых единиц: межвуз. сб. науч. трудов. Уфа: Башкир. гос. пед. ин-т, 1999.
8. Гатинская Н. В. Семантический анализ двух модальных лексем (на материале *будто* и *как будто*) // Полилингвальность и транскультурные практики. 2012. № 1.
9. Гельмгольц Г. О восприятии вообще // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова и М. Б. Михалевской. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: ЧеРо, 1999.
10. Горельникова Ю. А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1993.
11. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн. – М.: Харвест; АСТ, 2000.
12. Дондокова Б. В. Лингвотеретические аспекты количественной оценки в контекстах этноаргументации (на материале англо- и русскоязычной публицистики): дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2015.
13. Евсеева Е. Ю. Визуальная перцепция в свете модальности кажимости в романе Г. Уэллса «Человек-невидимка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024а. Т. 17. Вып. 6. <https://doi.org/10.30853/phil20240287>
14. Евсеева Е. Ю. Слуховой предикат и модальность кажимости в романе Г. Уэллса «The Invisible Man» // Современное педагогическое образование. 2024б. № 6.
15. Иоанесян Е. Р. Функциональная семантика французских эпистемических предикатов: дисс. ... д. филол. н. М., 2000.
16. Камшилова О. Н. Семантико-синтаксическая организация предложений с модусными предикатами: дисс. ... к. филол. н. Л., 1984.
17. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018.
18. Карпухина Т. П. Категория кажимости и её репрезентация в новелле Герберта Уэллса «The Door in the Wall» («Дверь в стене») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 3.
19. Каушанская В. Л., Ковнер Р. Л. Грамматика английского языка / под ред. проф. Б. А. Ильиша. Изд-е 3-е. Л.: Просвещение, 1967.
20. Логинов А. В. Вопросительное предложение как средство выражения кажимости // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 5.

21. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2000.
22. Орехова Е. Н. О модальности кажимости в прозе А. П. Чехова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: материалы междунар. науч. конференции, посвящённой памяти доктора филол. наук, проф. К. А. Войловой (г. Москва, 25 февраля 2021 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Принтика, 2021.
23. Платон. Избранные диалоги / сост. и коммент. В. В. Шкоды. М.: АСТ, 2006.
24. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.
25. Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дисс. ... к. филол. н. М., 1995.
26. Семёнова Т. И. Антропоцентризм модуса кажимости // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. Вып. 2.
27. Семёнова Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2007.
28. Спенсер Г. Основания психологии // Спенсер Г., Циген Т. Основные направления психологии в классических трудах. Ассоциативная психология. Основания психологии. Физиологическая психология в 14 лекциях. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
29. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003.
30. Хельмянова Ю. С. Категория кажимости и её реализация в прозаическом наследии А. С. Пушкина: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2016.
31. Шаховский В. И. Модус кажимости: пассионарность оскорблений реальных и кажущихся // Вопросы психолингвистики. 2011. № 4.
32. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М. – Л.: Наука, 1974.
33. Vaihinger H. Die Philosophie der Als Ob. System der theoretischen, praktischen und religiösen Fiktionen der Menschheit auf Grund eines idealistischen Positivismus. Mit einem Anhang über Kant und Nietzsche. Leipzig: Metner, 1927.

Информация об авторах | Author information

Карпухина Тамара Петровна¹, д. филол. н., доц.

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Tamara Petrovna Karpukhina¹, Dr

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ tkarpukhina1@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 03.06.2024; опубликовано online (published online): 24.07.2024.

Ключевые слова (keywords): философско-психологические основания кажимости; лингвистические основания кажимости; критерии идентификации категории кажимости; функционально-семантическое поле кажимости; категория кажимости в научно-фантастическом произведении; роман Г. Уэллса «Машина времени»; philosophical-psychological grounds of seemingness; linguistic grounds of seemingness; identification criteria of the category of seemingness; functional-semantic field of seemingness; category of seemingness in science-fiction genre; H. G. Wells's novel "The Time Machine".